

В Белостоке моим первым новым знакомым стал сосед Бази-на по съемной квартире и торговому ряду. Невысокий худощавый парень с печальным лицом, он немного сутулился сидя за прилавком, а когда вставал, непременно запихивал руки в карманы брюк. Рома продавал антиквариат и всякую армейскую атрибутику времен Советского Союза: значки, погоны, пилотки, бинокли, плащ-палатки и много еще чего. Иногда приходили пузатые поляки, шептались с Ромой, и он им выдавал что-то обернутое в чистую тряпицу.

— Чего там? — спрашивал я у Базина.

— Так, — покачивал головой тот.

— Секрет?

— Ага.

После работы мы относили домой самое ценное, остальное запирали под замок на рынке. Жили мы все вместе у чрезвычайно подвижной старушки, звали ее пани Хелена. Самое яркое ее воспоминание было из детства — как в конце войны она несколько месяцев провела в сибирских лагерях. Чуть ли не каждый день пани Хелена с жалостью спрашивала:

— Вы, ребятки, из Сибири?

— Да, — кивали я и Базин.

— Брр, холодно там, — вспоминала пани Хелена, — бардзо зимно в Сибири.

Отдав все имеющиеся спальные места, сама пани Хелена устраивалась по-походному на полу на старом одеяле, укрывшись теплой заплатанной курткой. Она была доброй, лишь качала головой и готовила завтрак на всех, когда мы уставшие приходили под утро. В дни пенсии и по выходным пани кормила нас обедом и ужином. Особенно строго старушка следила только за расходом воды и электричества.

Перекусив постной похлебкой от пани Хелены, мы спешили на улицу. Лето было душным. Базин разведдал местечко, где телефон-автомат позволял минут пять бесплатно говорить с родиной. Первым делом вечером мы направлялись туда, звонили родственникам и друзьям, а потом шли в ночную лавку.

Мы уже были у дверей магазинчика, как я услышал вдалеке начало знакомой песни:

— Хо-одют ко-они!

— Это чего? — я толкнул Базина.

— А так, — отмахнулся он.

— Наши ведь, наверняка, — радовался я. — А? Слышишь?

— Ромка это в вишневом саду грустит.

— О как, — удивился я.

Песня прервалась на самом начале. И через некоторое время началась по новой:

— Ходют кони!

Опять прервалась. И так несколько раз.

— Он что слов не знает?

— Не может запомнить.

— Может, тоже заглянем в вишневый сад? Напомним.

— А что, идея. Там спокойно, все бурьяном заросло. Поляки туда не ходят.

Найти молчавшего Рому было не так-то просто. Но способ был.

— Ходят кони над рекою! — пропел я. — Ищут кони водопоя!

И тут же рядом за лопухами отозвался печальный голос:

— Ходют кони...

Несколько шагов, и мы нашли нашего соседа.

Это был странный вечер. Перед нами в высокой траве стояла бутылка с вишневым вином «Алабама», мы дымили вишневыми сигаретами «Капитан Блэк» и закусывали спелой вишней в заброшенном саду на окраине Белостока.

Певец уныния и обреченности Рома лежал, откинувшись на спину, и стеклянными глазами смотрел в небо. Глянув на нас, он грустно произнес:

— Вам хорошо, вы алтайские. Вот Шукшин с Алтая, а он-то знал, эх...

— Чего знал? — спросил я.

— Хо-дют ко-они, — напел в ответ Рома, — такую песню... пел...

— Золотухин пел, да и песня не народная. Кима вроде...

А у Шукшина другая любимая была. Миленький ты мой, возьми меня с собой...

— Неважно, — вздохнул Рома, — там и там тоска.

— Тоскуешь, что ли, Ромка?

— Тоскую, ох и тоскую... Не отпускает ни днем, ни ночью, зараза.

— Пройдет, — успокоил я.

— Здесь среди поляков не пройдет.

— Но ты же здесь не навсегда.

— Нельзя мне обратно, никак нельзя... Я и жену с сыном сюда выписал. Послезавтра приедут.

— А жить где будут? — забеспокоился Базин.

— Со мной.

— А пани Хелена знает?

— Нет.

— Так, может, с семьей повеселее станет, и пройдет тоска, да, — обнадежил я.

— Нет, — вздохнул Рома, полежал молча и запел: — Хо-дют ко-они...

Рома пил до крайности, до потери сознания и зачастую отключался прямо в вишневом саду. Однако на работу приходил чистенький с неизменной печалью в глазах.

Ближе к полуночи мы отправлялись через пару кварталов в местечко «Хата Пухатого», я не сразу понял, что название означало «Дом Винни Пуха». Местечко было — не заскучаешь. Там в полу-

мраке за кружкой пива сидели местные музыканты, художники и просто интересные личности. Деревянные лавки и столы, тканевые абажуры и занавески на окнах. На полках стояли книги и редкие вещи, а в стеклянном ящике томился огромный, грустнее Ромы раз в сто, удав. Видимо, из-за него в баре царила атмосфера вымышленного писателем-анималистом пространства.

— Чего же Ромка так тоскует? — спрашивал я у Базина, глядя на неподвижную рептилию.

— Есть причина.

— Секрет?

— Ага, — Базин глядел по сторонам. — Смотри. Видишь чужачка в ковбойской шляпе?

— Ну.

— Говорят, блюзмен из Чикаго.

— А что он здесь делает?

— Не знаю. Может, шпионит.

— А вот тот странный типок в рваной майке с «Green Day», кто?

— Басист какой-то местной группы.

— Сюда нормальные люди заходят?

— Редко. Здесь же дом Винни Пуха. Здесь тысяч только его друзья.

— А Ромка чего сюда не ходит?

— Он слишком грустный для друга Винни Пуха, — сказал Базин и постучал указательным пальцем по аквариуму. — Таким грустным можно быть, если только ты удав в стеклянной коробке.

Через пару дней, когда мы с Ромой вдвоем оказались в вишневом саду, он сам рассказал историю о том, как прихватил чужие иконы и пришлось ему из родной Вязьмы уехать в Белосток.

— Как же ты на это решился? — спросил я.

— Да это черти. Их рук дело, как с обрыва подтолкнули, — сказал Рома и, наклонившись ко мне, добавил чуть тише: — А меня еще заставили думать, что это я сам сделал.

— Заставили? Какие черти? Бандиты? Твои знакомые?

— Обычные с рожками, всем знакомые.

— Ага, в этом смысле, — закивал я. — Ты верующий, что ли?

— А как же. Я и в иконах поэтому так хорошо разбираюсь. Хотя образования у меня нет, я ведь... эх, — Рома не стал договаривать, что он еще натворил без образования, и ушел в себя.

— Из-за этого, значит, тоскуешь, — подытожил я.

— Ходят кони, — безнадежно проныл Рома.

— А, вот вы где, — услышали мы голос Базина.

После нашего разговора я решил, что моя печаль несоизмеримо меньше Роминой. Томление начиналось, как только я переставал жить сегодняшним днем и думал о завтра и о послезавтра.

Мы сидели на ящиках за прилавком. Базин раскладывал свой товар: банданы, очки, фляжки, металлические кружки и губные гармошки. Из центрального парка рядом доносились звуки живого концерта. Там по аллеям неторопливо ходили люди, выгуливая детей и собачек.

— Ну давай, расскажи еще раз, — похихикивая, просил Базин, — расскажи, как же это получилось.

— Изначально мой путь лежал в Болгарию, — веселясь через силу, на десятый раз пересказывал я, — там по вполне точным сведениям жила и, дай бог, живет моя двоюродная бабушка. Отец в конце восьмидесятых гостил у нее в Софии. Прошло, считай, лет пятнадцать. За это время несколько писем и открыток из Болгарии дошли. А два месяца назад отец решил отправить меня туда. Купил мне купейный билет до Москвы. Перед посадкой вручил сто долларов, пожелав успешно перейти границу между Польшей и Болгарией и не возвращаться, пока не стану виноделом. По не вполне точным сведениям бабушкин муж имеет свой виноградник на Дунае. Уверенный, как и отец, что до Софии рукой подать, истратив больше половины суммы, я добрался до Белостока. Разыскал тебя, изучил карту Европы и теперь вместе с вами торчу на рынке, ломая голову, как ехать дальше.

— Только автостопом, через Краков, — советовал Базин, — возьми у Ромки плащ-палатку и сам черт тебе не брат, езжай куда хочешь.

— С чертями поосторожней. Вон Ромка хоть и верующий, а как его закрутило, — шепотом говорил я, напоминая Ромкину историю.

— Да какой он верующий. Картежник он, продулся в пух. И еще он в своей Вязьме иконами приторговывал, ездил по деревням, скупал их у старушек. Однажды так получилось, что и в карты проигрался, и по чьей-то просьбе икон прикупил больше обыч-

ного. Сбежал наш Рома от долгов с целым эрмитажем чужих икон. Теперь на них и живет здесь.

— Вот тебе и ходят кони. А я думал из-за веры тоскует.

— Боится он, что найдут его. Ну и тоскует, конечно. Как начнет про свою Вязьму рассказывать, не остановишь.

Ромка повернул голову и посмотрел на нас. В глазах его была абсолютная покорность перед жизнью. В мутном потоке она несла его от родных берегов в тревожную даль несбывшегося.

— Базин, а ты не скучаешь по дому? — перевел я разговор. — Сколько ты уже здесь?

— Почти полгода. Была бы возможность, дальше поехал. А то поляки, курвы, дюже нервные на русских, недолюбливают. Да ведь, Ромка?

Тот кивнул в ответ.

Пани Хелена приезду Ромкиных жены и сына даже обрадовалась. Она была уверена, что пить похититель икон станет меньше, переключит свое внимание с бутылки на семью. Жалости и доверию ее не было предела.

— А что ты хочешь, — говорил я Базину, удивленному, как безропотно наша пани согласилась на уплотнение жилплощади, — тому, чье детство прошло в сибирских лагерях, жалости потом на несколько жизней хватает.

Жить вшестером на сорока квадратах двухкомнатной квартиры стало тесновато. Тем более Рома стал пить еще больше, теперь из вишневого сада его приносили жена и восьмилетний сын. Они выглядели потерянными в непривычной обстановке, наверное, совсем не похожей на далекую Вязьму. Чтоб их подбодрить, я подарил пацану удочку, которую таскал с собой второй месяц, но так ни разу не расчехлил. Глядя на обрадованного мальчика, побежавшего искать водоем, я почувствовал, что и мне пора на поиски семейных виноградников.

— Завтра поеду. Через Варшаву и Краков до Закопане, — уверенно заявил я Базину. — Там на границе решу, что делать.

— Смотри, мы через пять дней с Ромкой собираемся на антикварную ярмарку в Гданьск.

— Ну, если что не получится, буду знать где вас искать.

— Надо взять у Ромки плащ-палатку тебе в дорогу.

Вечером мы шли с рынка, я, завернутый в офицерскую плащ-палатку, а Базин надел летний шлем танкиста. По другой стороне дороги навстречу мотылялись двое пьяных молодых поляков. Увидев нас, они что-то прокричали. В ответ Базин помахал им шлемофоном и крикнул:

— Вперед! На Берлин! Победа будет за нами!

Поляки сходу кинулись драться. Мы нелепо помутузились посреди дороги, на клочки разодрав друг на друге рубахи. Через пять минут выдохлись и, ругаясь, разошлись.

Утром с исцарапанными рожамы мы провожались.

— Быстро и легко тебе добраться до Болгарии, — желал Базин. — Как только тебя пристроят управляющим на дунайский виноградник, сразу отпишись, я приеду.

— Ага, договорились. Ну а я вам желаю не загнуться от белой горячки в Гданьске.

— Сколько у тебя осталось долларов?

— Десять.

— На тебе еще десять, а то все равно пропьем.

— Спасибо. Поехал я.

— Давай. Передавай привет брату в Варшаве, адрес у тебя есть.

— Да, как договаривались. К вечеру должен добраться! — уже кричал я, быстро шагая к трассе.

Интернет и мобильная связь еще не были так общедоступны, и потому пространство вокруг оставалось более загадочным. Сведения о том, что Польша не граничит с Болгарией и на пути еще Словакия, Венгрия, Сербия или Румыния — на выбор, обескуражили меня. Но не настолько, чтобы я отказался от возможности добраться до границы и пересечь ее. Удобнее всего это было сделать в курортном местечке Закопане в Татрах.

В Варшаве у Базина жил брат, у него, согласно плану, я предполагал заночевать. За несколько часов проехав двести километров, солнечным днем я высадился на въезде в город. Раньше, чтобы веселее идти по длинной незнакомой дороге, я представлял, будто снимаюсь в приключенческом или шпионско-фантастическом фильме. Теперь, сверяясь по карте и уверенно двигаясь к вокзалу, я в этом был почти уверен.

У трехсотметровой копии МГУ в центре города я глазел на новенькую машину, приделанную для рекламы к стене высотки на уровне седьмого этажа. Потом я увидел свое отражение. В потоке людей и автомобилей, где все спешили по своим делам, я смотрелся довольно странно, как приведение на картинке мало понятного мира. Соприкасаясь с ним только взглядом, привидение, как и полагалось, было печальным и отстраненным.

— Здесь весной шестьдесят седьмого года выступали Роллинг Стоунз, — услышал я. Рядом молодой мужчина, указывая на высотку, рассказывал своей спутнице. — Первый их концерт в соц-странах. После него «ролинги» ездили по городу и разбрасывали свои пластинки.

— Зачем? — удивлялась девушка.

— Наверное, увидели после концерта, что творится вокруг, и поняли как круто, что они приехали. Потом в газетах писали: «Вчера в Варшаве был ураган? Нет, это приезжали Роллинг Стоунз!»

— Сегодня в Варшаве будет легкий ветерок, я пройду незаметно, — поддержал я разговор, хотя и не был услышан.

Алекс и его жена Милка встретили меня, как старого приятеля, я прожил у них пару дней и был полон радостных чувств. Вечерами мы слушали музыканта, которого Алекс называл польским Гребенщиковым, и ели фрукты с вином.

— Это что за бутылка огромная под столом? Знаменитую польскую вишневую наливку делаете?

— Не, это другая, заливается полбутыли спирта, а потом в течение лета туда бросают ягоды и плоды, которые поспевают, сейчас вот бросаю шелковицу и вишню, потом зимой это пьется. Мой тесть Вацлав так делает.

Милка не понимала ни слова по-русски, но, услышав имя отца, радостно закивала. Жена у Алекса, и правда, была милой, она почти всегда улыбалась. Она преподавала детям рисование в начальной школе, объездила всю Европу, знала французский и итальянский.

— Слушайте, я пока из Белостока добирался, раз десять спрашивал дорогу. Мне все отвечали «просто», но дорогу так толком никто не показал. Почему?

— По-польски «просто» это «прямо».

В небольшой студии было уютно и чисто. Улица за окном выглядела, как на холсте художника, она уходила вдаль к облакам в лучи солнца. Лица и глаза Алекса и Милки чуть светились, и я им подмигнул:

— В Варшаве жить можно.

Утром я бодро шагал по Краковскому проспекту мимо продовольственных складов и оптовых магазинов. Я пересек город от края до края и довольный этим фактом вышел на трассу Е-7.

Дорога сначала складывалась неплохо. Солнце было в зените, и я почти добрался до Кракова. Однако километров за сорок до города встрял и несколько часов гулял вдоль дороги. Я пообедал, искупался и переждал под деревьями жаркий зной, явно предвещавший грозу. Место не походило на заколдованное, но мой водитель задерживался надолго. Уже темнело, и я подумал, что эту ночь придется провести у дороги. Присматривая место для ночлега, я решил махнуть напоследок показавшейся машине.

На мою удачу водитель остановился, веселый и бодрый, как и полагается молодому обладателю автомобиля с мощными сабвуферами и хорошего здоровья. Он еще помнил советские времена и многие русские слова к тому же говорил, как и я, на непринужденном ломаном английском, так что общались мы с ним бодро и весело. Он охотно согласился слушать мою кассету с Manu Chao, от чего нам стало еще бодрее и веселее. Не дослушали мы и первой стороны, как парень указал вперед в темноту, поблескивающую огнями:

— Краков! Тебе куда?

Рассказывая о своем путешествии, которое, по сути, только началось, я поймал себя на мысли, что мое повествование уже не так оптимистично. Парень проникся моим положением:

— Отвезу тебя в хостел для студентов. Там дешево. Очень вкусные завтраки.

Я не стал говорить, что денег у меня в обрез, только на воду и спички. Спокойно высадился у хостела, поблагодарил и отправился в парк поблизости. Было влажно. Я долго не мог уснуть. Вездесущие слизни полюбили мою прорезиненную плащ-палатку, я то и дело натыкался на них, пока все-таки не задремал.

— Здесь спать нельзя! — услышал я сквозь сон. — Ты кто? Что ты здесь делаешь?

— Я студент. Мне рано утром в дорогу, — бормотал я не в силах проснуться. — Несколько часов поспать бы.

— Нельзя. Уходи.

— Подождите немного, — не соглашался я. — Очень хочется спать.

— Эй! Проснитесь! — раздался крик прямо надо мной.

Я вскочил, окончательно пробудившись. Рядом стоял какой-то человек и светил мне в лицо фонариком. Он что-то громко говорил.

— Я по-польски не понимаю, — сказал ему я. — Ни разумею по-польску.

— *Jaki język mówią do mnie teraz?* — услышал я и вдруг понял сторожа, он спрашивал: — А на каком же языке ты сейчас разговаривал со мной?!

— Наверное, это было во сне, — стал оправдываться я.

— Со?

— *Nic!*

Сделав вид, что ухожу, я притаился в другой части парка и благополучно доспал ночь.

У меня были скопированная от руки карта и список достопримечательностей города. Мне довелось увидеть только одну — внушительно возвышавшийся на холме левого берега Вислы Замок Польских королей. С резвостью любознательного туриста я пробежался внутри огромных залов и усыпальницы. Ничто не тронуло моего сердца, эти декорации лишь напоминали о бренности мира. Хотя других замков я не видел, своего как-то не захотелось.

Отдыхая перед дальней дорогой, я сидел на лавке с видом на крепостную стену и грыз пломбир, свой завтрак и обед. Рядом по кольцу ходили трамваи. Провожая взглядом маршрут номер 8, я вспоминал, как такой же красный трамвай едет по знакомым улицам родного города.

— Вернусь... эх, прокачусь, — пообещал я усопшим местным королям и взялся за рюкзак.

Чем труднее была дорога, тем больше я разговаривал с собой или с пробегающими мимо животными. А иногда даже с деревьями, столбами и большими камнями.

— Это уже второй польский город, который пришлось пересечь от края до края, — сказал я собаке, устало присаживаясь у дороги. Собака была старой, что-то грызла и недовольно ворчала.

— Прогулка была не из самых приятных, — продолжил я наш разговор. За два часа я протопал километров десять вдоль Вислы.

Мимо проезжали машины, оттуда на меня смотрели без всякого любопытства.

— Надеюсь, дальше мне повезет, — ответил я на тревожный лай. Я не угадал. Раза три меня подвозили километров по десять-пятнадцать, и я оказался неизвестно где, у неприметного своротка на пустой дороге под сеющим дождем. Вечерело. Я мерз от сырости. Приглядевшись, увидел одинокий стог сена и побежал к нему. Испытывая, все прелести бродячей жизни, я глядел из укрытия на темное небо и мысли были только обо всем теплом и уютном.

На дорогу я вышел с рассветом и в Закопане попал к полудню под нескончаемым морозящим дождем. Городок жил неторопливой курортной жизнью. Первые встречные оказались мелкими хулиганами. Зубоскаля, они выпрашивали у прохожих мелочь на пиво. Я ответил им нервным приступом страшного смеха и непереводимого потока слов, понятно было только:

— Не мам пенендзы! До видзэня! Вшистко!

Парни не сразу решились применить силу. Не знаю, о чем они думали, глядя мне вслед, но, поняв, что остались ни с чем, закрычали:

— Эй, курва! Пжестань! Дач пенендзы!

Но я лишь прибавил шагу. Бежать под дождем вверх на горку лихие ребята поленились.

Еще подъезжая к Закопане, я выяснил, что на границе нужно заплатить десять долларов, чтоб попасть в Словакию. Не желая лишаться последней наличности, я решил перейти границу нелегально.

Дождь поутих и только голод остановил меня. На удобной полянке у подножия Татр я разводил костер. При себе у меня был котелок, мешок гречки и подсолнечное масло, купленные еще на Алтае. Не успел огонь разойтись, как из-за дерева появился человек в форме и вежливо объяснил, что разводить костры на территории заповедника запрещено.

— Да мне бы только воды вскипятить для чая, — упрасивал я.

— Идите в Закопане и пейте там чай, — не вникал в положение человек в форме.

Поднявшись в горы, я забрался в чащу. Быстро сготовил гречку, заварил чай из местных трав и заночевал под завалом сосновых веток, укутавшись в плащ-палатку.

Границу мне пересечь не пришлось. С утра загромыхало и полило. Промокший насквозь от высокой травы я заплутал и с трудом выбрался из леса. Спустившись к ручью, я долго брел вдоль берега, гадая где нахожусь, как вдруг увидел сидевшую у ручья девушку, ее длинные волосы чуть касались воды. Только я подошел ближе, чтобы спросить — не Словакия ли это, как девушка первой задала вопрос:

— Сколько время, который час?

— Одиннадцать. Где я?

— В Закопане, — указала девушка за ручей. — Там вниз по тропинке мостик.

Так я познакомился с Сильвией. Неспроста ее звали, как Сильвию Аквитанскую, путешествовавшую в четвертом веке в Нижний Египет. Моя знакомая Сильвия жила в самом начале двадцать первого, а ее прабабушка была цыганкой и во времена Речи Посполитой лично гадала великому князю Мирославу. Наша неожиданная встреча под дождем в Татрах была знаком будущей жизни, когда друг друга находят сердцем.

Сильвия сидела у воды, мыла клубнику и вишню. Время на ее часах остановилось, лишь упали первые капли дождя, зацедившего сквозь сито ветвей так безнадежно, что тропинки полные туристов опустели в несколько минут. Сильвия боялась опоздать на дневной поезд и обрадовалась, увидев человека с рюкзаком.

Плохо понимая язык собеседника, мы все же выяснили, что близки друг другу. Сильвия показала альбом, хранивший гербарий, аккуратно собранный в горах. Я узнал многие растения и пообещал проводить ее на поезд. По дороге я учил Сильвию пулять вишневыми косточками при помощи большого и указательного пальцев. Смеясь, Сильвия рассказала, что сначала приняла меня за английского студента, которому предстоит веселая свадьба, где он сломает ногу. Она призналась, что умеет гадать, и взяла

мою ладонь. Сильвия предсказывала, что прежде, чем войти в новую жизнь, я буду обречен на долгую пыльную и голодную дорогу бродячего пса, чьи лапы в вечном стремлении бежать ничего не обретают и не оставляют за своей спиной. И мир этого пса похож на обглоданную кость, которую он тащит в пасти. Мне не очень понравилось такое предсказание, и я поморщился.

— Но, как говорил Фома Аквинский, человек сильнее звезд и заклинаний, ему дано Богом побеждать свои страсти, — в заключение сказала Сильвия и загадочно добавила: — А воды не избежать.

Я навсегда запомнил Сильвию, ее предсказание и записал адрес: Sylwia Imiolczyk, ul. Teczowa 3/12, 44-200 Rybnik, Poland. Передайте кто-нибудь привет, если будете в тех местах!

Усаживая Сильвию в вагон, я уже был готов остаться там же, чтобы ехать с ней в город рыболовов. Она мягко выпроводила меня и помахала ручкой. Поезд тронулся. Я стоял на перроне и думал о людях, оторванных от родины, друг от друга. О разных скитальцах, в поисках счастья и судьбы уходивших на дно, умирая от жажды.

— Ну вот теперь я знаю, как это бывает. Вышел из дома просто водички попить, а тебя уже накрывает волной в бурной бесчувственной реке жизни. И не знаешь, куда она тебя влечет: то ли на дно, то ли за ближайший поворот, — сказал я, глядя на фонарный столб, стоявший посреди перрона, как заносчивый пан.

Было немного грустно от этого ощущения непрекращающегося потока жизни. Когда трудно понять — ты в лодке или, как бревно, крутишься вокруг своей оси. И есть ли разница? Я смотрел на Татры, а за ними видел горы Алтая, слушал журчание горной речушки, и казалось, что на другом берегу кто-то напевает «Ходят кони...».

— Да, многоуважаемый столб, покой и радость могут быть везде, где тебя любят и ждут. Но там, где я родился, покой и радость лежат прямо под ногами, их можно набирать пригоршнями, прикладывать к ранам и дарить любимым. Хочу туда.

Автостоп шел как по накатанной. Влекомый желанием что-то еще увидеть и успеть за эту поездку Варшаву я проезжал ночью на грузовике. Водитель, бывший моряк, видевший Тихий океан и Владивосток, имел при себе книгу Тадеуша Ружвича. Вез

он меня в сторону Гданьска, мы оба были рады знакомству и развлекались интересной беседой. Я открыл наугад книгу и прочитал:

— Мы с тобой одно целое. Твоя рука — это моя рука, твои глаза — это мои глаза. Понятно... Хороший писатель.

— Похож на вашего Булгакова, — сказал образованный водитель.

Я был приятно удивлен такой начитанностью.

— Хочу увидеть ваш замок Мальборк, — ткнул я в карту рядом с Гданьском и игриво напел: «В поход Мальборк собрался».

— В поход Мальбрук собрался, — поправил водитель. — Мальборк — это старый тевтонский замок, там руководители Третьего Рейха сходились важные вопросы решать.

— Ну тогда Мальбрук в Мальборке собирался.

— То добже, — усмехнулся бывший моряк.

Лучшая за всю дорогу машина, самая что ни на есть литературно-морская, везла по незнакомой земле, рассеивая во мне чувство отчуждения. В ее кабине я ощутил всю мистификацию жизни, сотканную внешним миром, я увидел настоящую жизнь, подающую знаки своей ясности в самых невероятных формах.

В Гданьске я не задержался. Мой приезд пришелся в канун грандиозного наводнения. Природа вовсю намекала на скорую катастрофу: прибрежная морская вода покрылась неприятной коричнево-зеленой тиной, а небо затянуло черными тучами. Антикварную ярмарку отменили, и искать Базина с Ромой в разстроенном городе было невозможно. Переночевав у моря на пляже по уши в песке при свете полной тревожно-красноватой луны, я решил убираться подобру-поздорову. Но прежде я сделал то, о чем мечтал, — смотался в Мальборк на пару часов. Гуляя вокруг замка, впечатленный его огромной трапезной, я не удержался и купил сувенирную бутылку с кораблем внутри.

— Я выбрал тебя, хотя жрать мне хотелось сильнее, — радовался я кораблику. — Не скучно тебе в бутылочке, малыш?

Вопрос, видимо, был на засыпку. Через сутки перед самым Белостоком перевозившая меня машина съехала в кювет, нас сильно потрянуло. Водитель и я достали вещи, осмотреть все ли цело, из разбитой бутылки выпал кораблик.

— Теперь ему одна дорога — в море, — сказал водитель.

Вечером я шел по Белостоку, еле переставляя ноги. У знакомого вишневого сада я остановился и прислушался. Мне показалось, что до меня донеслось:

— Ходют кони...

Я точно знал, что Ромка и Базин в Гданьске, тряхнул головой и пошел бодрее. Пани Хелена и жена Ромки сидели у телевизора и ждали новостей. Наводнение смыло пол-Гданьска, показывали затопленные улицы и дома, а вестей от Базины и Ромки так и не было. Под утро они позвонили, весело кричали в трубку что-то о кораблях, унесенных в море, о спасенных ими антикварах.

— Пьяным и море по колено, — сказала Ромкина жена, виновато глядя на нас с пани Хеленой.

— Ага, — согласился я. — Ну раз все хорошо, все живы-здоровы, пойду вещи собирать.

Первая электричка катила в сторону Гродно, я весело покачивал ногой и в ритме регги напевал: «Ходют кони...»